

XL.

Петр Брок решает спасти Витековых рабочих от старости. — «Напиток победы». — Бой на лестнице. — Старик Шварц на спине чудища

Да! Прежде всего надо спасти 20 000 молодых революционеров от жуткого призрака преждевременной старости! А Муллер? Никуда он не денется! 100-й этаж! Достаточно нажать белую кнопку — и мгновенно окажешься в радужном дворце, где находится Голос.

Наверх!

Однако на этот раз механизм подъемника испортился. Стены отвратительно скрипели, стрелка на табло дергалась, пол ходил ходуном. У Брока закружилась голова.

Может, опять возвращается сон?

На миг, когда накатила дурнота и все потемнело, лифт обернулся странными носилками, на которых лежал... Петр Брок! Два санитара в белом несли его куда-то, и вообще все вокруг было снежно-белым... Но снег этот, мало-помалу тускнея, становился черным, и вот уже воцарилась тьма. Тьма без мыслей, без чувств, без впечатлений.

Но длилось все это лишь мгновение. Лифт резко дернулся, и Брок пришел в себя. Двери открылись... Это уже четыреста девяностый?

Просторный зал превращен в лагерь. По обеим сторонам длинные ряды палаток, слышатся крики, смех, пение. Всюду толпятся воины в прозрачных островерхих шлемах и черных мундирах. За красными поясами торчат револьверы и кинжалы. Грудь крест-накрест перетянута шнурами, на которых черными шишками висят гранаты.

Одни храпят возле палаток, другие пьют «напиток победы», третьи играют в странную игру — складывают из золотых звездочек роковые созвездия. Охрипшими голосами они воспевают легендарные подвиги и сказочные победы божественного воителя Муллера на земле, на морях и на звездах.

Брок обошел несколько рядов — всюду одно и то же: палатки, песни, гранаты на груди и бутылки, призванные разжигать геройство черных вояк.

За проломом в стене виднелась главная лестница. Выглядела она совсем не так, как в тот раз, когда он проснулся на багровом ковре. Ковер исчез, белые ступени в брызгах запекшейся крови. В подсохших кровавых лужах — обрывки бинтов и клочья ваты. На стенах — царапины и следы пуль. Часть мраморных перил сорвана взрывом, электрические лампы под потолком разбиты. Поле недавнего боя освещают мощные прожекторы.

В нестерпимо ярком свете Брок увидел высокую баррикаду, сооруженную из бочек, разбитых ящиков и мешков.

Возле нее было особенно шумно. Толпа наемников окружила неуклюжий, громоздкий аппарат вроде допотопного пожарного насоса. Одни качают помпу, другие наполняют из рукава с металлическим наконечником мехи и баллоны. На спине этого чудища сидит старик Шварц и, шамкая, отдает распоряжения. Полные сосуды укладывают в бочки и ящики.

Брок сразу все понял: именно здесь Шварц налаживает производство своего газа! Здесь наемники спровоцируют наступление рабов, а сами отойдут на один этаж. Рабы захватят эту страшную баррикаду, а потом...

Но ведь он и пришел сюда, чтобы этому помешать!

Предупредить Витека из Витковиц!

Остановить его, пока не поздно!

Петр Брок перелез через баррикаду и зашагал наверх.

Этажом выше чернело другое укрепление. Рабы построили его из железных столбов и балок, гранитных блоков, здоровенных колес и станин от бог знает каких механизмов. Металл и камень сплошь да рядом спеклись воедино. Полурасплавленные, изъеденные плиты свидетельствовали о том, что против баррикады использовали напалм и кислоты.

Как же пройти сквозь страшное спекшееся укрепление? Огонь и тот не справился, а что

могу сделать я — голыми руками? Баррикада — до самого потолка!

Но что это? За железной колонной, надвое разрезанной пламенем, прячется маленькая дверца. Она не заперта... За ней — коридорчик, который ведет под стальной панцирь.

Так Петр Брок благополучно оказался в лагере рабов.

Вокруг тьма, озаряемая лишь пламенем факелов. У них нет прожекторов, с сожалением подумал Брок, нет даже лампочек... Однако на лестнице что-то готовится. Факелы деловито снуют вверх и вниз, под ними — багровые пятна человеческих лиц. Тела, одетые в рубище, тонут во мраке.

Брок с трудом пробирался в суматохе факелов. Надо встретиться с Витеком. Но где его найти?...

Лестница кончилась, этаж развалинами стен бежал вдаль. Глаз с трудом привыкает к кровавым языкам факелов, которые, дымясь, капают смолой...

ХЛІ.

Пророк № 794. — «...и тогда я уничтожу Молоха живого!» — Главный штаб. — Брок встречается с Витеком из Витковиц. — «Отложи наступление до завтрашнего дня...»

Среди опустошения за обвалившейся стеной на гряде обломков стоит старик, со всех сторон освещенный языками пламени. Прямо над его головой в потолке зияет дыра, словно в нее только что улетел сам сатана. Старик грозно возвышается над толпой рабов. Он слеп...

Брок вздрогнул. Перед ним был тот самый слепой ветеран № 794. к которому он попал после долгого бесплодного бега по лестнице. В багровом отсвете факелов он как последний апостол, собравший измученную паству в глубине катакомб.

— Десять лет я ждал, — говорит он взволнованно, и слова его жгут огнем, и вот однажды открылась стена... Человеку не дано пройти этим путем!

Это был Он, долгожданный Освободитель, Несущий свет!

Пришел, чтобы вывести нас из этого ада в тысячу этажей!

Горе тебе, Муллер, тысячу раз горе!

Настал час отмщения!

Восстаньте против него, сбросьте оковы рабства!

Ибо Он сказал: Я снова верну вам солнце и любовь, желания и мечты!

Выведу вас из муллердомовского заточения и отведу в дома ваши!

И еще сказал Он: Я сойду к вам и буду трудиться для вас, чтобы вы могли трудиться для меня!

Из толпы раздался голос:

— Раз он так могуществен, этот твой бог, почему он сам не уничтожит Муллера, чтобы мы смогли войти в Гедонию без кровопролития?

— Труссы! — воскликнул старец. — Разве не сказал Он: Ступени озарены будут факелами, а потолки лопнут, как пузыри под ножом!

И будет кровопролитие, какого заезды еще не видывали!

Кровь врагов поднимется выше баррикад и польется по ступеням багровым водопадом...

И снова из толпы послышалось:

— Муллер обещает нам после смерти жизнь на звездах. А что обещает нам в мире ином твой бог?

Старец воздел руку к потолку, откуда сквозь рваную зияющую дыру низвергалась тьма.

— Он сказал: Есть ли для вас что-либо хуже и лучше смерти? Доброй и тихой смерти без сновидений, как сон слепого младенца!

В толпе зароптали:

— Зачем думать о смерти, когда нас ждет райская жизнь в Гедонии? Отправим в

рабство обожравшихся небожителей вместо себя. А сами будем наслаждаться в раю на земле!

— Горе вам, — вскричал пророк, — если возжаждали вы создать новых кумиров из чрева своего!

Ибо Он сказал: Вы войдете в его храмы, опочивальни и трапезные, изгоните лжепророков, и торгашей, и сибаритов, и руки ваши останутся неоскверненными!

Вы свергнете идолов Молоха, и тогда я сам уничтожу Молоха живого!

Многие из слушателей с ропотом отходили от этого пророка, присоединяясь к другой толпе. Там проповедовал иной слепец, возвещавший радости, которые ждут их в райских краях Гедонии.

Брок вместе с несколькими верующими остался возле своего старца, с огромным интересом внимая его пророчествам. Удивительно, до чего же умен этот старик — воспользовался случайной с ним встречей и стал провозвестником новой веры, в помощь Витеку из Витковиц! На миг Брока охватило желание заявить о своем присутствии, подтвердить слова слепого прорицателя. Но он поспешил отогнать эту мысль.

Ведь иначе он замешкается тут, не выполнит вовремя свою миссию, ему давно пора вернуться на сотый этаж и завершить начатое дело.

Таблички со стрелками указали ему путь к штабу. По приставным лестницам он сквозь дыры в потолке поднялся несколькими этажами выше и наконец очутился перед дверью, на которой было написано:

ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Он проскользнул внутрь вместе с запыхавшимся связным, который только что откуда-то вернулся.

За дубовым столом вместе со своим штабом сидел Витек из Витковиц. Перед ним лежала карта военных действий в Муллер-доме.

Это был сухощавый молодой человек с растрепанными, черными как ночь волосами. Серые глаза, бледные, крепко сжатые губы, крупный нос и энергичный, словно высеченный из гранита, подбородок. Он курил одну сигарету за другой, и кончики его пальцев пожелтели от никотина.

— Витек, — воскликнул связной, — пробиться не удалось!

Витек даже бровью не повел. Он склонился над картой — планом 490-го этажа — и в один из квадратов воткнул черный флажок. Там уже чернели три таких флажка...

Связной, с трудом переводя дыхание, продолжал:

— В том месте, где ты указал, рота саперов увязла в песке. Весь подвал под этой опочивальней доверху засыпан песком. А в песке спрятаны мины. Одна из них от удара кирки взорвалась. Двое братьев убито, трое ранено.

Лица сидящих за столом помрачнели.

— Проклятый этаж!

— Это уже в четвертый раз!

— Всюду песок, и только песок.

— Неужели эти негодяи засыпали весь этаж от пола до потолка?

— Похоже, они кое-чему научились, — сказал Витек. — У них во всех помещениях стоит охрана. Как только они слышат удары над головой, мигом поднимают всех по тревоге и засыпают помещение песком, прежде чем мы туда пробьемся.

Вбежал новый связной. Налицо Витека отразилось нетерпеливое ожидание.

— Ну что?

— Песок, — выдохнул связной.

Витек до крови закусил губу. А на карте появился еще один черный флажок.

— Придется сегодня же штурмовать баррикаду, — хмуро сказал он, — другого выхода

нет.

Он взял другую карту, длинную и узкую, с изображением вертикального разреза Муллер-дома от основания до самой крыши. Проломы в потолках и главные укрепления на лестнице были обозначены красными флажками.

Военачальники молча склонились над картой, потом заговорили:

— Нелегкая будет работенка!

— А до «Вселенной» еще девяносто восемь этажей!

— Питьевой воды у нас меньше чем на сто сорок четыре часа!

— А вина — на шестьдесят часов!

— А там настанет черед вест-вестерской водки!...

— Сонные порошки, дурманные пилюли и кокаин!

— Горе нам!

— Вся надежда на воздушные корабли «Вселенной»!

— Но до них, братишка, аж девяносто восемь этажей!

— Брут, — обратился Витек к одному из генералов, — сегодня ночью ты атакуешь девятую баррикаду. Оборона у черных очень крепкая, потому что они готовятся к наступлению. Пусть пять тысяч человек ждут моего сигнала!

И в этот миг заговорил Петр Брок:

— Витек из Витковиц!

Все повскакали, озираясь по сторонам.

А Брок между тем продолжал:

— Отложи атаку на один день. Если ты начнешь наступление сегодня ночью, то погубишь свою армию!

Витек опомнился первым и крикнул:

— Чей это голос?

Голос представился:

— Я Петр Брок!

— Так, может быть, ты и есть тот самый бог, о котором возвестил пророк номер семьсот девяносто четыре?

— Я не бог. Я пришел предупредить, чтобы ты не начинал наступления сегодня ночью.

— Почему?

— Не спрашивай! Поверь мне, и завтра во всем убедишься сам!

— Я верю тебе и сделаю, как ты велишь! Наступление будет отложено...

Брок исчез, покинув изумленных и радостных предводителей восстания.

XLII

Газ из мехов будет уходить потихоньку. — Красный треугольник. — Тоска старика Шварца. — Прежде чем постареть... — Кнопка 100

Всюду на пути Брока восставшие рабы готовятся ко сну. Главная лестница освещена одним-единственным факелом. Брок быстро проскользнул в дверь в железной баррикаде. Несколько прыжков — и перед ним неприятельские укрепления. Он бесшумно перебрался на ту сторону.

В золотистом конусе света от прожектора сидят на ящиках два человека. Один из них, молодой, смотрит на баррикаду. Второй самодовольно улыбается всеми своими морщинами. Это Шварц.

— Сегодня я могу спать спокойно, — прошамкал он, трясая сморщенной головенкой. — Если они что предпримут, пальнем раз-другой для отвода глаз: вот, мол, как мы сопротивляемся, будто детишек своих защищаем. А потом будем «вынуждены» отступить этажом ниже. Они же тем временем расползутся здесь как вши...

— А вдруг они обнаружат бочонки с вашим газом? Что тогда?

— Не обнаружат, мой мальчик, не обнаружат... Бочонки наполнены винцом, а мехи плавают в вине, и газ будет из них потихоньку уходить... Таких бочонков «на всякий случай» там полным-полно, с виду безобидных, как дитя в пеленочках. Настоящие же газовые бочонки помечены красными треугольниками и стоят в углах. По сигналу...

— Ты, дед, все это здорово придумал, но что, если эти пролетарии улягутся далеко от твоих бочонков?

— Не беспокойся, желторотик, я и это учел... еще до того, как ты на свет божий появился. Они расположатся, как и мы, в районе лестницы! Витек будет держать их возле себя, чтобы они не загуляли по трактирам да барам, смекаешь теперь, несмышлениш?

— А вдруг они устремятся за нами на лифте?

— Не плачь, мой маленький, это у тебя зубки режутся, сейчас я тебе пеленочку перемену... Если б управление лифтом было в их руках, они бы давно шастали отдыхать в Гедонию!... Пеленочку намочил, бедненький мой...

Беззубый рот Шварца разинулся в долгом зевке.

Этим воспользовался Брок. Схватил ком ваты и заткнул им черный провал стариковского рта.

В следующую секунду он рассчитался с любопытным «ребеночком». Не успел тот опомниться, как Брок саданул его кулаком в висок. Парень так и покатился куда-то в темноту.

Между тем старый маразматик хотел было удрать от Брока, да с какой прытью! Но Брок поймал его за ногу и дернул назад. А затем надежно связал длинной веревкой.

— Не беспокойся, дед, — прошептал он прямо в испуганные глазки Шварца, — тебе СИО уже не повредит... Или боишься постареть еще на сто лет?

После этого с помощью кляпа и веревки Брок скрутил и его напарника. А покончив с обоими, осторожно подобрался к палаткам.

Лагерь спал.

Со скучающими часовыми Брок расправился быстро и ловко. И сразу же увидел бочонки, помеченные красными треугольниками. Из-под них торчали резиновые шланги, стянутые веревкой. Брок торопливо принялся их развязывать.

Когда он возился с последним бочонком, у него внезапно закружилась голова. Мозг, точно бритвой, резануло багровым треугольником. Брок чувствовал, что теряет сознание. Напрягая силы, сумел-таки взять себя в руки.

Прочь, прочь отсюда, пока я не состарился!

Шатаясь, он двинулся вперед.

Еще три шага — и лифт!

Еще шаг — и я упаду! В последнюю секунду, когда багровый треугольник терзал рассудок невыносимой болью, Брок ввалился в лифт.

Кнопка 100! 100! 100!

Брок рухнул на пол...

XLIII.

100— й этаж. -"Тебя обманули. Морская Чайка!" — Прежде всего отыскать Муллера. — Телохранители Огисфера Муллера. — Его библиотека

Ему чудилось, что он лежит на прохладных простынях и смотрит в потолок. Потолок сплошь белый, только посередине — красный треугольник. Бессмысленный, невыносимо багровый, он давит на мозг, вызывая ужасную боль. Словно в этом треугольнике есть отверстие и кто-то стремится втиснуть в это отверстие его череп. О, если б не этот треугольник! Как бы здесь было хороню! Потолок белеет, точно сахар, даже во рту сладко

становится. Уснувшим бутонем водяной лилии с него свисает матовая лампочка.

И вдруг — толчок!

Что случилось?

Ах да! 100-й этаж!

Открытая дверь лифта, пальмовая роща, мелодичная радуга моста.

Брок хотел перебежать по нему, но вовремя спохватился.

Нельзя!

Ведь он выдаст себя.

Муллер сразу поймет, что незванный гость хочет проникнуть в его святилище. Ведь это не мост, это арфа, на которой должен сыграть мелодию каждый входящий во дворец Муллера!...

Остается только ждать, чтобы слить свои шаги с другими, которые тоже направятся сюда.

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги, и среди пальм показался... лорд Гумперлинк! Да-да, он самый, Морская Чайка! Его Брок ожидал увидеть меньше всего! Откуда он взялся? Воспоминание о принцессе обожгло сыщика огнем. Что с ней случилось?

Лорд Гумперлинк без колебаний вступил на мостик. Следом за ним, нога в ногу, двинулся Брок. Мост отозвался грустной мелодией, которая затихла, только когда они остановились у ворот дворца.

Морская Чайка с наслаждением принял все процедуры, предваряющие аудиенцию. В белом одеянии римских патрициев он явился перед идолом.

Дутый Муллер с расчесанной окладистой раздвоенной бородой опять восседал на своем троне, разложив на коленях живот, на лице его снова застыла улыбка.

— О, Повелитель! — воскликнул Гумперлинк, касаясь лбом ковра. — Я исполнил твой приказ!

— Какой приказ? — донеслось как бы изнутри фигуры.

— Отвез принцессу Тамару обратно на родину!

Брок с облегчением вздохнул.

— Это я тебе приказал?! — прогремело по залу.

— Я повиновался твоему голосу, о, Повелитель!

Морская Чайка коротко рассказал, как его разбудили, как он вначале не поверил и с револьвером в руках бросился к дверям, но потом подчинился, убедившись, что голос звучит с потолка.

— Тебя обманули! — злобно прошипел идол. — Обвели вокруг пальца, как мальчишку! Осел ты, а не Морская Чайка! Ты внял голосу не моему, а дьявола! Немедленно назад! Подними по тревоге весь флот! Он к твоим услугам! Но без принцессы не возвращайся! Вон!

Лорд Гумперлинк исчез. В зале остался один Брок. Теперь надо действовать быстро, ибо его принцессе грозит опасность...

Скорее, скорее покончить с этим делом!

Прежде всего надо отыскать Муллера!

Обшарить весь дворец!

Все залы, все ниши осмотреть, простучать все стены, полы, потолки...

Крадучись, он подошел к черной портъере за тронном. Отвел ее и увидел стеклянную стену, разделяющую тронный зал на две половины. Брок проскользнул в скрипнувшую дверь на ту сторону. До чего же вторая половина зала не похожа на первую с ее сверкающим тронном!

Среди чудовищного беспорядка, как бы в минуту затишья между попойками, здесь валялось с десятков мужчин — этаких полураздетых здоровяков-римлян с мускулистыми, гладко выбритыми лицами. Их прозрачные непробиваемые шлемы и панцири разбросаны тут же, между матрацами, на которых они спят.

Телохранители Огисфера Муллера!

Брок на цыпочках прошел мимо... Длинный, узкий коридор, винтовая лестница и снова дверь:

БИБЛИОТЕКА

Стены от пола и до потолка заставлены всевозможными книгами. Некоторые из них толсты, как стволы вековых дубов, и из-за нелепой своей толщины фактически перестали уже быть книгами.

Библиотека Муллера!

Значит, и сам Муллер должен быть где-то поблизости. Брок просмотрел книги, лежащие на столе.

«ГИМНЫ И ОДЫ ВО СЛАВУ БЕССМЕРТНОГО МУЛЛЕРА».

«МОЛИТВЫ, ОБРАЩЕННЫЕ К ВСЕВЫШНЕМУ МУЛЛЕРУ».

«О ТОМ, КАК ОГИСФЕР МУЛЛЕР ПОКОРИЛ МИР. ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ».

«ЗВЕЗДНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ».

«РАЙ И АД ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА».

«ТЫСЯЧА ЛИЦ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА».

«КАК СТРОИЛСЯ МУЛЛЕР-ДОМ»

«ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО МУЛЛЕР-ДОМУ».

«ГЕДОНИЯ И ЕЕ УСЛАДЫ».

«О ЗЕМНЫХ СТРАСТЯХ ОГИСФЕРА МУЛЛЕРА. КАК ОН ЛЮБИЛ ВСЬ МИР».

«ОГИСФЕР МУЛЛЕР. БОГ И ЧЕЛОВЕК. ФИЛОСОФСКАЯ СЕРИЯ».

Брок понял: великое множество всех этих книг посвящены одному — культу сей загадочной личности. Чем ближе к Муллеру, тем сильнее разгорается любопытство Брока. Как же он выглядит? Кто он?

XLIV.

**Как мучить цветы. — Огисфер Муллер забавляется в детской. — Сокровищница.
Маски из человеческой кожи. — Орангутанг!**

Следующая комната — стеклянные витрины, в них серебристые модели странных, не виданных Броком аппаратов и приборов. Может, это созданные изощренным умом орудия пыток? Судя по форме, некоторые из этих орудий предназначены скорее для мучений животных, птиц, насекомых, но не людей.

На столе в вазе с желтой вонючей жидкостью — почерневшая гроздь сирени. Рядом книга в пергаментном переплете: “Огисфер Муллер. КАК МУЧИТЬ ЦВЕТЫ”.

Брок наугад раскрывает пухлый том:

“ Как замучить розу

Расцветиую розу надо отжечь от куста.

При этом ствол следует держать в огне до тех пор, пока стебель розы не отвалится.

Затем ободрать стебель до самого цветка и поставить в вазу с кипятком. С помощью стеклянного змеевика накапать в вазу концентрированный раствор серной кислоты. На ароматометре можно проследить за стремительным взлетом кривой запаха и ее резким спадом. Подключив ароматофон, вы услышите тихий стон царицы цветов. Она побледнеет, потом посинеет и внезапно опадет.

Пестик надлежит вырезать... ”

Так вот, значит, какова душа Огисфера Муллера! Что же это — безумие или патологическая извращенность? Смотрите — белая лилия в вазе поражена черными пятнами. Хризантема задохнулась под стеклянным колпаком от паров никотина! Алый пион, пестик которого проткнут отравленной иглой, гибнет в сосуде со спиртом.

Впрочем, глумление над цветами свидетельствует лишь об инфантилизме извращенного кретина! Но другие странные предметы, о чудовищном назначении которых можно лишь догадываться, не являются ли они орудиями пыток живых существ?

Покинув эту жуткую комнату, Брок замер в изумлении — он стоял на пороге... детской!

Какой невероятный контраст! Тихий, волшебный приют ребячьих грез! Детская кроватка... На пестром ковре — широкий круг железной дороги, у жестяного перрона стоит длинный поезд. Есть тут и тоннель, и мост, и стрелки. Чуть дальше разбросаны строительные кубики, из которых кто-то начал возводить храм и бросил — вечером закончит... Рядом — красный волшебный фонарь с диапозитивами. Детская типография, на клочке бумаги оттиснуто сначала четко, а потом все бледнее — Огисфер Муллер... Огисфер Муллер... Огисфер Муллер...

Неужели у этого проклятого тирана и инквизитора есть сын по имени Огисфер? Или в силу какой-то невероятной сентиментальности он увековечил здесь воспоминания своего детства? Может, он сам заводит игрушечный поезд и смотрит диапозитивы?

А что же находится рядом с детской? Гостиная со швейной машинкой и семейными портретами, спальня или кухня с плитой и полкой, уставленной белой посудой?

Комната была красная и совершенно пустая. Лишь посередине на круглом столике — хрустальная чаша с прозрачной жидкостью. В ней плавает человеческое сердце...

Следующая комната — синяя. И опять хрустальный сосуд с водой, в которую погружены два голубых человеческих глаза.

Но Брок уже ничему не удивлялся. Он быстро шагал из одной комнаты в другую, пока не очутился в душном помещении, где металась, жалобно мяукая и завывая, чуть не сотня черных кошек. Из этого кошачьего царства он попал в роскошный зал, полный несметных сокровищ.

Купленные, украденные и полученные в заклад короны царей и императоров, золотые скипетры и державы, церковные дароносицы, облачения из Ватикана, из буддийских храмов, из пещерного святилища далай-ламы.

Оправленные в золото бриллианты величиной с гусиное яйцо украшают рамы полотен старых мастеров, свезенных сюда из прославленных музеев разоренной Европы.

Слитки золота, платины, солиума и радия.

Кучи перстней, цепочек, ожерелий осыпаются, перемешиваясь друг с другом.

Бочонок, полный золотых часов!

Ящик серег!

Шпалера сундуков с золотыми монетами всех стран мира...

Посреди зала темнела круглая дыра, обнесенная перилами. Чтобы прикинуть ее глубину, Брок швырнул туда золотой слиток. Потом долго считал и прислушивался — тщетно!

Осмотревшись, он заметил у края колодца электрический выключатель повернул его, и ствол колодца осветился до самого дна. Брок понял, это вход в гигантскую шахту глубиной сто этажей, служащую фундаментом Муллер-дома. А комната, где он стоит, — сокровищница, в которой Муллер хранит найденное в разных концах света...

Из золотой кладовой Брок прошел в гардеробную.

Многэтажные вешалки, забитые разнообразнейшей одеждой. Новенькие генеральские мундиры, безукоризненные костюмы биржевиков, рясы монахов и епископские ризы, матросская тельняшка, широкополые ковбойские шляпы, цилиндры, кепки апашей, залатанное тряпье нищих и белые балахоны призраков. Но вот что странно: все это сшито на человека малорослого, узкоплечего, коротконового. У некоторых костюмов были

широченные накладные плечи, у других — накладной ватный живот. Брок углядел даже пиджак с фальшивым горбом.

Угол оцетинился деревянными, инкрустированными серебром палками, кнутами, плетками, арапниками, тростями с потайными кинжалами, епископскими посохами и клюками юродивых. В ларях сложены трубки, очки, вставные челюсти, искусственные уши, носы, парики, резиновые конечности с пружинными механизмами.

Но самое жуткое — шеренга голов-болванок, на которые натянуты человеческие лица: специально обработанная кожа снята вместе с усами и бровями. Упругие, словно резиновые маски: стоит их натянуть, и создается полная иллюзия нового лица...

О, сколько возможностей для виртуозных метаморфоз! Давно умершее лицо можно надеть, как шляпу! Понятно теперь, господин Муллер, почему в тебе сам черт не разберется! Бродишь по своим этажам то генералом, то безногим калекой, то грузным биржевиком с золотой цепью на животе, то горбатым шутом — но кто же ты все-таки есть?

На пороге следующей комнаты Брок замер.

В открытой ржавой клетке раскинуло узловатые руки-ветви сухое дерево. На одном суку раскачивалось уродливое страшилище — орангутанг!

Брок отступил назад, решив, что обезьяна заметила его: когда он появился в дверях, животное ощерило зубы. Но после нескольких попыток он вновь осмелел и на цыпочках прокрался под самым оскалом клыков.

Наконец пальцы его коснулись ручки следующей двери

Очень осторожно, потихоньку, медленно-медленно приоткрыл дверь, скользнул в образовавшуюся щель и так же бесшумно затворил дверь за собой.

XLV.

Машина всеведения. — Да, это Он! Вот его голова — рукой подать. — Голос биржи

Брок осмотрелся.

Огромная, невысказанно сложная машина высилась полукругом напротив двери, занимая всю стену зала. При виде ее Брока бросило в дрожь. Беспорядочное на первый взгляд переплетение спиралей, проволочек, звоночков, кнопок, трубочек и фосфоресцирующих указателей соединялось в какое-то жуткое сооружение, напоминающее живой организм — нутро ожившего универсального робота...

Неоглядный ряд клавиш, словно бесконечное пианино. Клавиши неодинакового размера, с закругленными концами — ни дать, ни взять — хрупкие девичьи пальцы с ухоженными ноготками.

Как похоже на стеклянный орган, подумал Брок, глядя на несчетные прозрачные трубки, в начале ряда маленькие и тонкие, в конце — большие и толстые. Повсюду, повсюду причудливые детали в безумном тысячекратном повторе. Тысяча клавиш, тысяча звоночков, тысяча лампочек, тысяча выпуклых глазков, изредка подмигивающих холодными зелеными огоньками — будто кошачьи зрачки шлют в ночи загадочные сигналы.

В сердце этой чудовищной машины, подобной исполинскому алтарю злобного языческого божества поблескивает белый диск — как огромная облатка в дарохранильнице. Под диском расположена чаша громкоговорителя из какого-то отполированного материала.

Перед алтарем в глубоком кресле кто-то сидит спиной к Броку. Виден лишь рыжий чуб, языком пламени торчащий над спинкой кресла.

Брок затаил дыхание.

Это и есть Муллер?

Низенький, тщедушный, он совсем утонул в кожаном кресле. И похож скорее на рыженькую девчонку — из-за спинки даже головы не видно...

Брок, бесшумно ступая, обошел кресло.

И увидел маленького, сухонького уродца в ярко-зеленом халате. Дряблые щеки его обвисли безобразными складками. Вывернутая нижняя губа — черная и сухая до самых десен. А от нее росла рыжая борода, которая разветвлялась внизу на две жидкие прядки, доходящие до самых колен.

Зато нос — гордая линия орлиного клюва! Блистательный излом раковины! Твердый, суровый изгиб! Свидетельство высокомерия, мизантропии, жестокости и стремления покорить мир!

Огисфер Муллер!

Да, это он!

Этот смешной, желчный коротышка, заживо, как в могиле, погребенный в глубинах кресла.

Волосатые уши с серыми мочками — неужели это и есть те уши, страшась которых умолкает любой голос в Муллер-доме?

А ядовито-зеленые, слезящиеся, бегаящие глазенки в рамке морщин — неужели это и есть те всевидящие очи, которые замечают разом все, что творится в сотнях тысяч комнат на тысяче этажей?

А это та самая голова, что породила чудовищный замысел создать на земле ад и рай?... Вон она, рукой подать, и я могу раскроить этот череп, убить живущее в нем страшное безумие, разбить его на тысячу кусков!

Муллеру захотелось чихнуть. Он поднял руку к носу и прикрыл его ладонью. Брок ждет, что будет дальше, и с изумлением видит, что нос, блистательный орлиный нос остался у Муллера в руке! А вместо него на лице объявилось нечто короткое, вздернутое, без всякого намека на переносицу — две круглые дырки в пуговице, прилепленной между щек. Теперь Брок узнал это лицо: он видел его в окошке наверху, когда почти без сознания лежал в зеркальном зале...

Орлиный нос вернулся на старое место.

Но почему эти слезящиеся зеленые глаза, как бы вклеенные в рамку морщин, почему они так пристально всматриваются в блестящий диск?

Что это такое?

Зеркало?

Да, зеркало, только очень странное. В его серебристо-прозрачной глубине не отражается ни один из предметов, находящихся в этой комнате.

Зеркало пусто!

Гладкая серебристая глубина, и больше ничего...

Однако же внезапно эта непроглядная серебристая глубь словно бы обмелела, потемнела, и Брок смутно различил какое-то движение; так и кажется, что смотришь в мощное увеличительное стекло на муравейник. Потом кишачая масса приблизилась, распалась на отдельные элементы, приобрела четкие очертания.

От неожиданности Брок чуть не вскрикнул: биржа!

Да, так выглядела биржа с птичьего полета.

Брок вспомнил про стеклянное окно в потолке...

Он видел биржу с прозрачной статуей Атланта, с муравейником черных цилиндров.

Человек в кресле нажал на что-то своими костлявыми пальцами.

Послышался душераздирающий звук, напоминающий вопли мартовских котов. Потом все стихло, и чаша в центре алтаря заговорила.

Брок тотчас узнал голос биржи.

Невнятица таинственных шепотов, шагов, возбужденных восклицаний сливается воедино с коловращеньем фраков, цилиндров, лиц...

Но пальцы Муллера снова касаются клавиш, глухой шум рассыпается на отдельные звуки, среди которых четко выделяются два писклявых голоса:

— Купил?

— Я понес убыток!
— Скверные времена!
— Муллдор падает...
— Сколько?
— Двадцать пять!
— Ого-го!
— Тс-с-с!
Их сменяет другая пара:
— А теперь что?
— Девяносто девять!
— А завтра?
— КАВАЙ...
— Проклятый голос!
— Удрал!
— Убил Орсага!
— Глаза ему вырвал!
— Кто?
— Голос!
— А Великий Муллер? — Тс-с-с! И еще один диалог:
— Курс белых падает...
— Принцесса сбежала!
— Он ее похитил...
— Кто?
— Голос!
— А наш повелитель и кормилец?
— Хватит этого слащавого елея!
— Конец близок!
— Тс-с-с!
— Чего бояться? Придет нечто большее, чем Муллер!
— Тайна «Вселенной» раскрыта!
— С бога сорвали маску!
— На бирже крах!
— Ну так кто победил?
— Тс-с-с!!
— Хватит вам шикать!
— Муллер погибнет!
— А кто победит?...
— Он!
— Голос!

XLVI.

«Герр Эрлеба!» — Речь держит горбун. — «...побыл ослом — и будет!» — «Арестовать Чулкова!» — Будто линияла целая собачья свора. — «Смерть паразитам!»

В этот миг Огисфер Мюллер приподнялся с кресла и нехотя взял на клавиатуре аккорд, который ему, похоже, давно опротивел. А затем с ледяным спокойствием крикнул в хрустальную чашу:

— Герр Эрлебах! В серебристом диске на фоне черно-белой мозаики фраков и манишек появилась бледная, перекошенная от ужаса физиономия.

— Герр Эрлебах! Человек пал ниц, воздев руки.

— Пощады! Пощады! — взмолилась чаша. Но Огисфер Мюллер процедил с непоколебимым спокойствием:

— Герр Эрлебах! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!

Диск подернулся беловатой пеленой и снова стал ясным и прозрачным. Серебристая глубина стремительно пошла на убыль, и вот уже на экране — гостиница-трактир «Эльдорадо!» Под матовыми лампами в виде черепов за дубовым столом собралась компания авантюристов; об их ремесле Брок узнал тогда, побывав в Вест-Вестере. Когда же это было? Сколько времени минуло с тех пор?

Из знакомых здесь — горбун Чулков, безрукий убийца Гарпона да еще великан, поймавший Брока в сети, и разжалованный, оскорбленный маршал Грант, который, судя по всему, вполне приспособился к новому окружению и не выделялся ни манерой говорить ни одеждой, ни поведением

Речь держал горбун:

— Ну кто же из вас его поймает? Ко-ко-ко-ко Может, ты, Гарпона прикончишь его голыми ногами? Или ты, Секретарь, дашь ему понюхать Шварцеву розу, напоенную старостью? Ла-ла-ла-ла! А на что годишься ты, Мурно, со своим любовным напитком? Тебе известно, сколько ему лет? Ты хочешь, чтобы он сгорел от любви к принцессе Тамаре? Ме-е-е! Все вы остались в дураках с вашими газами, порошками и пилюлями! Кто из вас его поймает? Ме-е-е!

— Он — не человек!

— Он бог!

— Бог позволил бы себя поймать в сети?

— Нет бога, кроме Муллера!

— Значит, дьявол сильнее!

— Сильнее Муллера?

— Тс-с-с?

Все за столом как по команде приложили палец к губам. Но горбун знай себе кричал:

— Труссы! Неужели вы еще не поняли! Кто бы он ни был — бог, человек или ничто, но он сильнее и могущественнее нашего Муллера! А потому, пока не поздно, давайте играть в открытую! Перейдем на сторону сильнейшего! К черту Муллера!

Огисфер Муллер снова привстал в кресле. Взял на длиннущей клавиатуре несколько безмолвных аккордов и наклонился к хрустальной чаше.

— Сударь Чулков!

Вся пятеро выскочили из-за стола, волосы у них встали дыбом, физиономии перекошились от ужаса.

Один Чулков остался на месте. Лишь резко отодвинулся от стола, так что стул жалобно заскрипел. Потом схватил стакан и с размаху швырнул его в потолок. Все вокруг неотрывно смотрели на него, то ли с тупым изумлением, то ли злорадно

Петр Брок ждал, что человек в кресле рассвирепеет, разнесет комнату в пух и прах, а голос его засвистит от злобы, как пуля.

Но ничего подобного не случилось. Такое впечатление, что у коротышки в кресле вообще нет ни нервов, ни гнева. Нечеловечески бесстрастным, почти сонным голосом он обронил в микрофон

— Сударь Чулков! Девяносто пять! Шестьдесят четыре! Красные зеркала, дверь номер семь!

Брок пристально следил за дрожащим от ярости горбуном, который треснул кулаком по столу и строптиво взвизгнул в потолок

— Не пойду, никуда не пойду! Я много сделал для тебя, благодетель! Ме-е-е! Но теперь и пальцем ради тебя не пошевелю! Я убрал старика Галио, а чем ты меня отблагодарил? Пятьдесят тысяч звезд, конечно, подарок божественный — кукареку! — каждый вечер я смотрю на них и лопаюсь от злости! Даже в Гедонию ты меня не пустил, отче небесный,

обещал, а не пустил! Только я туда все равно попаду, вонючка проклятая, и катись ты со своими звездами куда подальше, смотреть на них я и без тебя могу, когда мне заблагорассудится! Расплачивайся звездами с другими идиотами, рыжий дьявол, а с меня хватит, побыл ослом — и будет! Тра-ля-ля! Тра-пя-ля!

Расхрабрившийся горбун, вероятно, еще долго угрожал потолку, но Муллер, пробежав пальцами по клавишам, остановил поток его красноречия, и кичливый горб исчез, стертый туманной пеленой.

На экране возникла подобострастная фигура полицейского инспектора. Муллер продиктовал:

— Этаж четыреста одиннадцатый — Вест-Вестер, гостиница «Эльдорадо»! Арестовать сударя Чулкова! Поместить его в Красных зеркалах, девяносто пять, шестьдесят четыре, семь!

Полицейский тоже растворился в тумане. Огисфер Муллер опять нажал на клавиши. Из стеклянного органа послышались тягучие, жалобные вопли, будто младенцы скулят. Впрочем, точно так же завывали черные кошки в одной из пройденных Брокком комнат. Может быть, и правда есть какая-то связь между сластолюбивыми кошками и этим сатанинским алтарем?

Ряды круглых зеленых глазков машины горят, словно тысячи кошек смотрят из темноты...

Кошачий концерт внезапно оборвался, и диск мало-помалу посветлел. Брок увидело птичьего полета военный лагерь. На экране медленно разворачивалась панорама боя. Вот баррикада революционеров, вот «ничейная земля», укрепления наемников и, наконец, их бивак.

На лице Муллера появилось выражение беспокойства. Хрустальное жерло заговорило огнем и дымом взрывов! Огромный зрачок наблюдает отчаянную атаку восставших на предательскую баррикаду. На деревянной стене из ящиков и бочек вдруг распустились тысячи голубых огоньков. Пылающая смола потоками стекает по деревянным сооружениям. Из шлангов вырываются струи кипятка.

Но странное дело — баррикада мертва! Никто не карабкается на ее вершину, не размахивает среди огня флагом смерти! Даже смешно — отчаянный штурм безлюдной баррикады. Восставшие в слепой ярости рвутся вперед, в огне и грохоте им чудится черный ангел, опоясанный красным кушаком, но его нет!

Брок с таким же напряжением, как и Муллер, следит за лихой атакой. И вот баррикада взята.

Но что это?

Толпы старых хрычей, подняв руки, жмутся по углам. А захваченный лагерь — какая же плачевная картина полнейшего бессилия! Всюду запавшие рты, костлявые подбородки, согнутые спины!

Армия плешивых, беззубых, морщинистых, как сушеные грибы, стариков елозит на коленях перед изумленными победителями, а те топчут ногами клочья выпавших волос, будто здесь линия целая собачья свора. В довершение всего кругом, точно драконье семя, рассыпаны почерневшие зубы.

Из громкоговорителя несутся крики ликования и восторга:

— Это Он! Он!

— Петр Брок!

— Сыщик!

— Бог!

— Тот, о котором возвестил пророк!

— Наш новый бог!

— Он сотворил чудо!

— Он с нами!

— Он!

— Бог и сыщик!
— Тише! Тише!
Над опадающей волной криков поднялся громовой голос.
— Все за мной!
— Лестница свободна!
И снова крики:
— Победа!
— Вперед!
— Смерть паразитам!

XLVII.

Генерал Окс. — «...ловушка за ловушку!» — Муллер предлагает Брокку стать живым богом в Муллер— доме. — «Вот мой ответ!» — Брок погребен...

Вот когда Огисфер Муллер не выдержал, вскочил с кресла и обоими кулаками ударил по клавиатуре, правда с краю.

Засверкали зеленые зрачки, и уши Брока резанул пронзительный кошачий концерт. А на экране меж тем появился новый огромный лагерь, полный молодых, здоровых солдат.

Огисфер Муллер решил ввести в бой резервные силы! Закрыть брешь и остановить победное наступление рабов.

Пришло время сорвать планы Муллера. Теперь Брок знал все, что ему нужно. Он проник в тайну всеведения Муллера, пора...

Огисфер Муллер нагнулся к чаше, собираясь отдать приказ войску. Но тут Брок ухватил его за бороду и рванул назад,

Муллер вцепился ему в руку и так заорал, что Брок от испуга выпустил бороду. Рыжий карлик вдруг как сумасшедший запрыгал по залу; эти безумные скачки выглядели настолько жутко и до омерзения карикатурно, что Брока охватил ужас. Он пристально следил за прыжками и, когда Муллер приблизился к машине, выхватил нож. — Прочь, — крикнул он, — прочь от машины! Или ты умрешь!

— Умру! — расхохотался Муллер. — Только тронь меня, и ты погибнешь вместе со мной! Весь Муллер-дом рухнет!

— Он ударил руками по клавишам, словно желая призвать на помощь ад!

Брок опустил руку с ножом: на экране снова замелькали картины. По лестнице стремглав мчится вниз армия рабов. Над головами, вскруженными легкой победой, вьется обгаренный кровью флаг, словно плащ мученика, истерзанного ножевыми ранами.

Этаж за этажом несется вниз лавина восставших, без отдыха, без остановки, не встречая сопротивления. И это падение лавины на экране сопровождается гробовым молчанием хрустального динамика.

Муллер несколько мгновений смотрит на эти кадры, потом с проклятьем бьет по клавишам. И опять на экране — веселая суeta лагеря резервистов.

Пальцы Муллера лихорадочно забегали по клавишам.

И вдруг он закричал: — Генерал Окс!

Но Брок успел оторвать его от микрофона, немилосердно дернув за бороду — едва не выдрал! Дальнейшее заняло буквально какую-то долю секунду: Брок продел концы бороденки под подлокотники и накрепко связал их морским узлом.

Огисфер Муллер взвился и заметался, точно мерзкая саранча, которой прищемили усики. Он как бешеный рвался из позорной ловушки обезумев от злости, — Брок даже испугался, глядя, как Муллер грызет и рвет собственную бороду, пытаясь выдрать ее вместе с кожей.

Наконец ему удалось перегрызть рыжую косицу у самого узла. Он медленно

выпрямился, но странное дело — присмирел, как мальчишка после взбучки.

Между тем Брок удобно расположился в кресле Муллера и произнес, глядя ему прямо в глаза:

— Ну что же, господин Муллер, — око за око, ловушка за ловушку! Ты не явился на свидание в комнату номер девяносто девять, пришлось мне самому прийти сюда, чтобы поговорить с тобой! Трудно было понять, что выражала в этот миг уродливая физиономия Огисфера Муллера. Но его рука в широком рукаве халата, словно сухая тычинка в увядшем цветке, жестом указать на кресло: — Сядь, Петр Брок! — Я уже и так сижу, — улыбнулся Брок. — ТЫ хочешь мне что-то сказать? — Петр Брок, я признаю твою силу и могущество, ибо ты невидим. Человек ты или нет, но ты столь же неодолим, как я. Итак, Петр Брок, Огисфер Муллер предлагает тебе мир и дружбу. Конечно, на определенных условиях, которые мы оба поклянемся соблюдать. У тебя своя тайна, у меня своя. Моя тайна — это Муллер-дом! Я знаю, как ты блуждал в нем! Мне известен каждый твой шаг в моей империи. Я твердо знаю: ты не бог. Я поймал тебя сетью великана Мастича! Боги так не поступают, не удирают, не скрываются... Так что ты не бог, но я могу сделать тебя богом!... Слышишь, Петр Брок?! Я предлагаю тебе стать богом в Муллер-доме! Богом моего мира! Я буду властелином, а ты — богом! Я поделюсь с тобой властью, отдам тебе половину моих сокровищ. И если ты будешь мне верен, я добьюсь еще большего! Рука об руку мы будем строить Муллер-дом, выше и выше, без конца, до самого неба, всем наперекор!

Муллер протянул руку по направлению к креслу.

— Согласен?

Брок плюнул в нее.

— Вот мой ответ!

Муллер вытер ладонь краем халата и сказал со зловещим спокойствием:

— Петр Брок! Берегись! Я знаю, как ты проснулся на лестнице! Я подслушал твой разговор с номером семьсот девяносто четыре! И знаю куда больше, чем сказал тебе! Если тебе известна тайна «Вселенной», то мне известна тайна твоих снов! Ты не бог, ты отвратительный, кошмарный сон и принимаешь этот сон за действительность! Ну что, Петр Брок, ты все еще намерен тягаться с Огисфером Муллером? Будешь молчать, и я промолчу... Смотри!

И Огисфер Муллер показал ему левую ладонь.

От ужаса у Брока потемнело в глазах

Он увидел багровый треугольник...

Быстро закрыл глаза, но было уже поздно... Треугольник проник в мозг и острые углы его вонзались в затылок и в виски.

Еще на секунду Брок пришел в себя. И увидел Муллера, который снова сидел в кресле и вопил в чашу

— Генерал Окс! Генерал Окс!

Брок стиснул пальцами рукоятку ножа Сил у него оставалось на одно-единственное движение!

Он коротко размахнулся и ударил сверху вниз. Лезвие ножа вошло Муллеру в спину и проникло в сердце.

Где— то в немыслимой глубине раздался чудовищный оглушительный грохот, будто луна сорвалась с орбиты и врезалась в землю. Стены, пол и потолок начали заваливаться набок. Вещи покатались с пола на стену. Алтарь рухнул на Брока. Металлическая клавиатура всей тяжестью навалилась на череп.

Короткий удар боли — и ничто. Ничто без цвета, без формы...

XLVIII.

Багровый треугольник остался на потолке. — «Ну, будь здоров!» — Сон про тысячу

этажей

Никому не известно, как долго Петр Брок пребывал в объятиях смерти, настигшей его под стальной машиной перевернутого органа Огисфера Муллера. Однако случилось так, что безмянный человек, пробудившийся в начале этого рассказа на лестнице, открыл наконец глаза и увидел потолок, сияющий чистой, ангельской белизной.

А посередине этой чудесной белизны алеет треугольник! Человек испуганно вздрагивает и жмурит глаза! Но странное дело, треугольник остается на потолке и никакой боли ему не причиняет, не давит, не вонзается в виски. Медленно, очень медленно человек разлепил веки и сквозь ресницы взгляделся в треугольник. Знак действительно нарисован на потолке, прочно сидит на своем месте и вовсе не думает нападать. И он с удовольствием смотрит на треугольник, наслаждаясь его совершенной, строгой простотой.

Потом послышался голос:

— Смотрите, проснулся...

Он удивленно повернул голову и замер.

Перед ним человеческие лица! Настоящие, живые, из плоти и крови, с добрыми улыбками, губы у них шевелятся, веки моргают.

Очки на носу, седая борода — наверное доктор. А рядом — молодые, светлые, ясные улыбки, лица в белых косынках.

Это сестры милосердия, ведь на груди у них красные кресты. Много, много прекрасных лиц обступили его постель.

Седобородый врач в белом халате склоняется над ним, берет за руку.

— Выкарабкался! Хотите верьте, хотите нет, а выкарабкался! Я в чудеса не верю, но это для меня загадка...

— Где я? — несмело шепчет человек, вспоминая свой тысячэтажный сон...

Доктор усмехнулся:

— На этом свете!... А по всем правилам лежать бы тебе под слоем известки в тифозной яме за лагерем! — И потрепал его по голове. — Ну, будь здоров! Я сам выпью нынче за твое здоровье и буду спокойно спать... Да знаешь ли ты, черт полосатый, что целых три дня бредил? Мы принесли тебя из барака смерти! А ты несешь какой-то вздор, ругаешься, пытаешься спрыгнуть с кровати, пришлось даже привязать тебя ремнями... В чувство привести не могли... Страшный был тиф... Прямо чертовщина... А что тебе снилось, сынок, что это за Огисфер Муллер, который тебя обижал?

Но странный пациент уже не слушал говорливого седобородого доктора. Он мгновенно вспомнил все, вспомнил свое прошлое, свое имя, свое место в жизни, вспомнил, что будет делать, когда вернется из плена. Все вдруг прояснилось, стало близким и понятным...

Лишь имя Огисфера Муллера напомнило ему жуткий сон.

И с полуудивленной улыбкой он сказал:

— Мне снилось, что я блуждал по дому в тысячу этажей А Огисфер Муллер был хозяином этого дома.